

9 Мая завершилась величайшая трагедия XX столетия – Великая Отечественная война. Пожалуй, никакой другой месяц не мог стать месяцем Победы – только цветущий яркий май! И особенно горько в эти дни сознавать, сколько же молодых, сильных, красивых людей не увидели майского цветения, не прижали к груди самых близких и любимых – не вернулись с «немилосердной той войны».

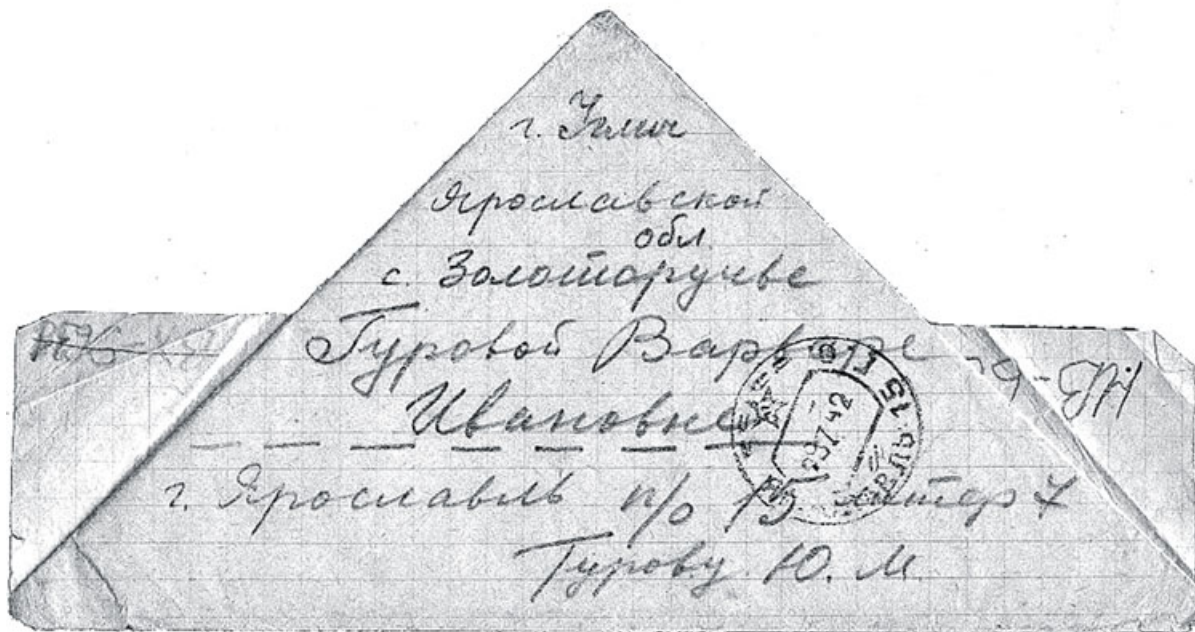
Сегодня о земляках-героях, а героями можно назвать всех, кто был на передовой, нам могут рассказать их письма – самые дорогие, самые пронзительные документы Великой Отечественной войны. В день празднования Великой Победы на городской «Стене Памяти» сотрудники музея представят копии писем, бережно хранящихся в музейных фондах, расскажут трогательные и трагические истории судеб угличан-фронтовиков (в Угличском историко-художественном музее их около сотни). Об одном из таких писем уже было рассказано, но ещё и ещё раз его нужно перечитывать, такое письмо перестало быть предметом личным, сейчас это – история, документ огромной силы.

Эти дорогие листки когда-то бережно держала в руках Варвара Ивановна Гурова, читая

весточки с фронта от сына Юрия, писавшего в родное село с милым сердцу названием Золоторучье.

Среди писем маленькая фотография молоденького красноармейца в новой солдатской форме. Фотография одна, а фронтовых треугольников накопилось немало, видимо сильно скучал этот мальчик по родному дому. Первые письма посланы из Ярославля, где, вероятно, формировалась часть, в сентябре 1942 года. В них – приветы родным, забота о доме. Сыну ещё более близки домашние заботы, и потому в письме вопросы: сохранили ли урожай картофеля, собрали ли семена цветов, чтобы посадить их на будущий год.

Затем – фронт.

«Здравствуй, мама. Шлю я тебе свой фронтовой привет и желаю всего хорошего, а главное здоровья, а также и всем родным.

Мама, вот уже 13 дней как мы гоним врага. С 16-го декабря в 8.30 наша «катюша» открыла ураганный огонь, я не видав действия её, сперва думал, что склад снарядов подожгли и он рвётся. В это время мы были ещё в землянке получали пищу, 100 гр. для поднятия духа. Артиллерия с большим натиском била по блиндажам итальянцев, и вот «макаронники», как их называют, сробели. А перед этим наше радио на всю степь

говорило какую-то речь на итальянском языке, звучала и итальянская музыка. Так я думал, что в эту ночь я находился не в степи, а где-то в шумном городе. А в 9.30 наша пехота пошла на блиндажи, целый день и ночь шли бои. Только тогда, когда замахнёшься гранатой, тогда только поднимают руки и начинают сдаваться.

И так блиндаж за блиндажом брали наши части. Много пленных брали и уводили в плен. И так к полночи вся укрепленная полоса была взята. Тут попробовали итальянских Галет и сейчас едим. Ночь до конца проночевали на чистом поле. Мороз был крепкий, но ничего, все пережито. На следующий день итальянец побежал, оставляя по дороге вещи, снимая и выкидывая с себя всё вплоть до конвертов и фотокарточек. Все набросились на трофеи и ели и пили и одевали, кому что было нужно. Я, правда, ничего не надевал, а уж поел всё, что я и в праздник самый лучший не ел дома. И шпроты, и сгущённое молоко, и сахар итальянский, и многое другое.

Мама, а как ты живёшь, как Володя учится, как бабушка, и что пишет тётя?

Мама, а вот сейчас я жалею, что не взял трофейного белья, я сейчас страдаю от «пчёл» которых очень много в белье, ну просто не знаю, куда деваться, а в бане не был два месяца. Тело и бельё страшно грязное. Но бывает время, когда думаешь, что лучше было бы, чтобы меня убило или ранило. Преследовать противника, приходится по 40-30 километров в ночь на морозе 25, в эти часы другой раз в дороге поругаешь и тебя, ну ты сама знаешь за что, и сам себя поругаешь, может и ещё что сделаешь.

Мама, как Коля, пусть пишет, правда мне некогда писать, а с удовольствием получил бы письмо от родных. Это первое письмо, которое я посылаю из освобождённой нами территории.

Мама, ты не расстраивайся, живы будем, увидимся, а уж ежели помрём, значит такая уж судьба.

Ну, до свиданья, с приветом всем родным.

Твой сын Юрий. 29/X11-42 г.».

Наш молодой солдат служил в пехоте. Именно о ней сказал белорусский писатель-фронтовик Василь Быков: «Жизнь бойца в пехоте была самой короткой. Неделя в наступлении, месяц в обороне – максимальный срок для солдата стрелкового батальона, за которым следовал «земотдел или здравотдел»...

Кровь, муки, нечеловеческие тяготы войны обрушились и на зрелых людей, и на юных мальчишек, безропотно умиравших на полях сражений. Не думал и не знал автор этого письма, что станет оно для нас, потомков, документом потрясающей силы. Только в одном письме столько свидетельств большой и кровавой войны, столько чувств солдата, простого человека на страшной войне! Как трогательны строчки о вкусных трофеях, ведь скудной была жизнь в предвоенной деревне. И за что можно в самые тяжёлые часы поругать маму, только – «зачем ты меня на свет родила на такие муки»?

Последним известием о гвардии красноармейце Гурове Юрии Михайловиче было: «На фронте пропал без вести 16 января 1943 года».

Татьяна ЕРОХИНА

«Угличанин» №17 (572) от 03.05.2018 года

{comments on}{loadposition yandex-кнопка}